

Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 7 (141) Том 15 - Топография знания: Средние века и раннее Новое время | Геральдика: актуальные исследовательские проблемы. 2024

Сибирские пограничные линии XVIII в. в свете новых картографических источников и истории распространения современного восприятия пространства

Рассказов Сергей Валерьевич

Независимый исследователь

Республика Казахстан, Астана

Абдрахманов Кайрат Амангельдинович

Международный научный комплекс «Астана»

Республика Казахстан, Астана

Аннотация

Материал основной своей целью имеет обсуждение двух малоизвестных карт середины XVIII столетия из 192-го фонда Российского государственного архива древних актов, касающихся истории Ишимской и Новоишимской пограничных линий в пределах, с одной стороны, администрируемых военной и гражданской администрацией Сибирской губернии Российской империи, с другой — относящихся к землям Казахской степи. Мы дополняем известные материалы по теме картографическими источниками. Нами предлагается также ряд теоретических тезисов: инициирование линейного строительства в первую очередь военными новой европейской выучки, необычность и новизна практик обращения с пространством в ходе строительства, опора на картографию как источник знаний о территории, территориальность государства, тотальность границ, окончательность разграничения, неприятие тотального разграничения местным населением по обе стороны новых границ, колониальные параллели для оценки сложившейся ситуации. Эти положения, на наш взгляд, могут помочь переосмыслению подходов к истории границ и пограничной администрации Российской империи, которая обычно рассматривается в рамках упрощённых оппозиций «упорядоченные государственные практики — опасные и непредсказуемые пограничные сообщества» или «позитивно оцениваемое местное

население — злонамеренные колонизаторы», а также более конструктивно осветить ряд сюжетов истории Сибири и Казахстана.

Ключевые слова: Ишимская линия, Новошимская линия, Пресногорьковская (Горькая) линия, пограничные линии, Российская империя XVIII в., Сибирь, Казахская степь, Средний жуз, Северный Казахстан, Джунгарское ханство

Дата публикации: 30.08.2024

Источник финансирования:

Статья подготовлена в рамках программы целевого финансирования № BR21882225 «История Северного Казахстана с древнейших времен до наших дней», обработка архивных материалов начиналась при поддержке программы целевого финансирования МНВО РК BR10965282 «Казахстано-российская граница: исторический контекст и новая геополитическая реальность».

Ссылка для цитирования:

Абдрахманов К. А., Рассказов С. В. Сибирские пограничные линии XVIII в. в свете новых картографических источников и истории распространения современного восприятия пространства // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – Выпуск 7 (141).

URL: <https://history.jes.su/s207987840032029-0-1/>. DOI: 10.18254/S207987840032029-0

¹ ...За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большую часть печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана ..., моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. ... Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой — скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными. «Где же крепость?» — спросил я с удивлением. «Да вот она», — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большую часть покрыты соломою. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

А. С. Пушкин. Капитанская дочка

2

Введение

История пограничного строительства и администрирования границ Московского царства и Российской империи, как правило, рассматривается в

качестве одного из сюжетов военной истории, пограничных конфликтов, хронологии расширения имперской территории и тому подобного. Максимально «демилитаризованный подход» к теме предполагает изучение документов, отражающих деятельность высших органов управления, и исследование административных механизмов реализации тех или иных направлений того, что вовлеченным в тематику авторам представляется государственной политикой. На примере обсуждаемого в данной статье направления (администрирование границ в юго-западной части Сибири XVIII в.) также можем заметить, что вскрытие механизмов принятия тех или иных решений органов управления разных уровней, выявление их внутренней логики, часто сводится к обнаружению в источниках наиболее распространенных риторических приемов объяснения (или оправдания) того или иного поведения военных и гражданских чиновников и их воспроизведение уже в качестве собственного мнения. Мы предлагаем более широкий в смысле привлекаемого контекста подход. Те или иные политические, военные, административные и тому подобные решения могут, естественно, приниматься как в силу ошибок, страхов и предрассудков конкретных лиц (и лишь потом, задним числом, находить свое объяснение), так и по причине культурных, социальных и образовательных навыков представителей имперской бюрократии и военных кругов определенного времени. В данной статье мы собираемся дать анализ части подобных «навыков» или особенностей мышления ответственных лиц высшего провинциального уровня Российской империи середины XVIII в. на примере событий, связанных с проектированием, принятием решений о создании и собственно созданием Старой Ишимской¹ и Новоишимской² (Пресногорьковской или Горькой) пограничных линий. Мы привлекаем к анализу малоизвестные, малоиспользуемые и до недавних пор не опубликованные³ картографические источники из 192-го фонда⁴ Российского государственного архива древних актов (РГАДА): «Карту части Сибири к югу от г. Тобольска, в верховьях рек Иртыш, Ишим и Тобол...»⁵, «Ландкарту: Описание мест Исетской провинции⁶...»⁷ и «Карту Сибирской губернии от старого Утяжского форпоста до реки Иртыша и до Чернолуцкой слободы...»⁸. Нельзя сказать, что в них содержится некая ранее совершенно непредставимая информация, в корне меняющая подход к проблеме. Однако, их вовлечение в исследования, во-первых, восстанавливает баланс источников в историческом сюжете, где геодезические работы, картографирование и само определенное восприятие территории играло немаловажную роль. Во-вторых, мы обращаем внимание на некоторые детали процесса принятия решений, которые ранее, видимо, не принимались всерьез, и обрисовываем общий контекст развития пространственно-картографической культуры действующих лиц из разных социальных групп. В самих отсылках к данному контексту, опять же, нет ничего революционного, но и не обращать на него внимание — значит, упускать нечто очень важное в общем понимании ситуации, сложившейся вокруг строительства линий. Наконец, дополнительно мы привлекаем как иллюстрации или даже элемент аргументации часть источникового и историографического наследия по теме — это, главным образом, материалы Потанина⁹ и работы Н. В. Горбаня¹⁰, из которых, как нам представляется, мы и почерпнули соответствующие методические акценты.

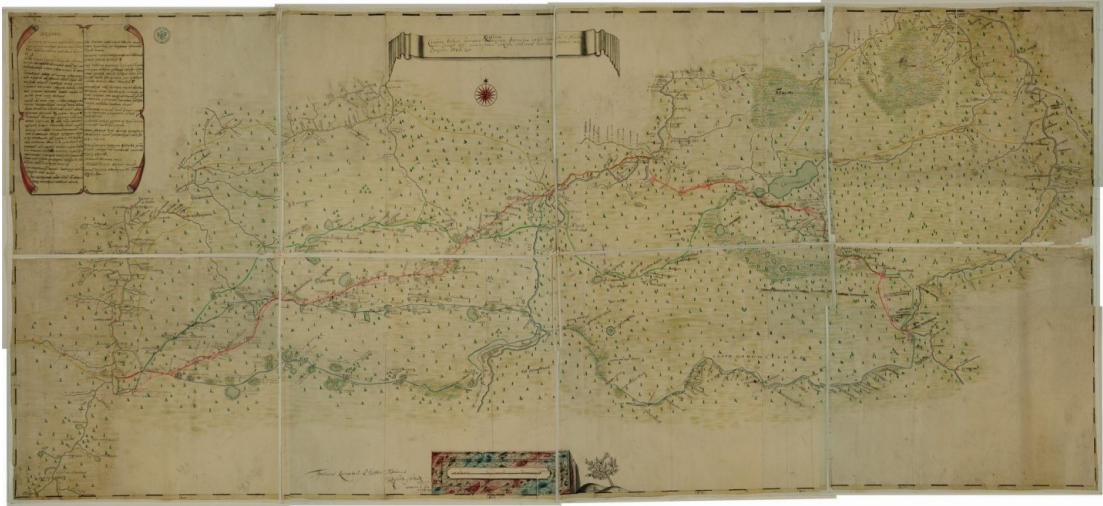
Привлекаемые к анализу картографические источники представляют собой рукописные раскрашенные карты ориентировочно 1743 и 1745 гг. создания. Первая карта¹¹ (илл. 1) показывает существующие российские укрепления по границе с Казахской степью¹² в верховьях рек Яик, Уй и Миасс, а также по реке Исеть — в пределах Исетской провинции, и Старой Ишимской линии между Тоболом и Иртышом — в Сибирской губернии. Картуш карты скорее описательный, а сама карта представляет собой вид «военно-топографического обозрения». Авторы карты (капитан Иван Новосёлов, тобольские геодезисты Алексей Макшеев и Михайло Выходцов) являются героями как архивных источников¹³, так и научных статей и монографий¹⁴ по истории Сибирских линий. Еще один упомянутый соавтор, геодезии ученик Семен Спорев, менее известен, зато указан как присланный от «от таинаго советника и ковалера» И. И. Неплюева — одного из высших чиновников Империи в регионе, который в представлении не нуждается.

4

Илл. 1. Ландкарта. Описание мест Исетской провинции... или «Карта капитана Новосёлова», общий вид РГАДА 192.1. Тобольская губерния 1

5 Вторая карта¹⁵ (Илл. 2) еще более интересна, так как является чем-то вроде картографической стенограммы части споров по маршруту прохождения Новой Ишимской линии, приоткрывая, таким образом, часть процесса принятия решений, определивших конфигурацию границы Империи с Казахской степью почти на сто лет и не менее драматично повлиявших на другие, в том числе более поздние элементы культурного ландшафта Сибири и Казахстана.

Илл. 2. Карта Сибирской губернии от старого Утяцкого форпоста до реки Иртыша и до Чернолуцкой слободы... или «Карта Василия Кутузова», общий вид РГАДА Ф.192.1. Тобольская губерния 2

⁷ Собственно картографическое изображение посвящено пространству между средним и нижним течением Тобола и средним течением Иртыша. Кроме укреплений Старой Ишимской линии (с элементами ее проектируемого улучшения) карта показывает «тракты» — маршруты, пройденные вышеупомянутым капитаном Новосёловым и автором надписи на картуше подполковником Василием Кутузовым¹⁶ для поиска новых возможных вариантов прохождения линии пограничных укреплений между Тоболом и Иртышом. Кутузов, как и автор собственно картографического изображения — геодезии прапорщик Иван Куроедов¹⁷, также известны как фигуранты различных документов о съемке местности под строительство Новоишимской линии и ее непосредственном проектировании.

⁸ Важная информация содержится в картуше второй карты (Илл. 3), где вышеупомянутый Василий Кутузов, осматривавший южный «тракт», максимально близкий по положению к будущей, построенной в реальности линии, недвусмысленно пишет: «От реки Ишиму от урочища красного яру до чернолуцкой слободы оной тракт неспособен потому что камышловския озера¹⁸ соленыя и горкия а хороших вод мало». В истории Новоишимской линии общеизвестен факт неудачного выбора мест под часть ее крепостей и редутов (с чем и связаны ее вернакулярные названия вроде «Горькой»), однако, обычно эта информация становится доступной как будто уже после постройки линии — в силу многочисленных затруднений гарнизонов с питьевой водой. Всего одна фраза (и дальнейший текст картуша, в категоричной форме отвергающий южный вариант проложения линии) переворачивает ситуацию: информация была, но почему-то оказалась проигнорированной. Свои версии произошедшего мы предлагаем ниже.

Илл. 3. Карта Сибирской губернии от старого Утяцкого форпоста до реки Иртыша и до Чернолуцкой слободы... или «Карта Василия Кутузова», фрагмент с картушем РГАДА 192.1. Тобольская губерния 2

10 Исследовать описанные инструментальные карты на первый взгляд, кажется, нелегко. Понятна ценность нарративной информации, содержащейся на карте и пересекающейся с историей источника. Возможна ли, однако, критика источника и его использование как собственно картографического изображения? На наш взгляд, стоит, во-первых, отметить, что перед нами одни из первых *современных* карт данной части Сибири и Казахстана, то есть составленные по результатам геодезической съемки с помощью определенных астрономических и математических методов, а не «на глаз» по нарративным источникам и путевым описаниям, как составленные всего на два десятилетия ранее последние карты Ремезова. И, во-вторых, по-видимому, перед нами не просто карты, составленные офицерами, которых учили математике и геодезии, а результаты деятельности людей с принципиально иным типом пространственного мышления и восприятия пространства, чем это бывало в рассматриваемом регионе до того. Об условно «модерном» (то есть современном, противопоставляемом средневековому европейскому) пространственном мышлении писал Люсьен Февр. В его интерпретации¹⁹ сам концепт государства как территориально целостного образования, обведенного линейными границами, внутри которых суверенитет един и не должен ставиться под сомнение — изобретение европейского Нового Времени, неизвестное европейскому же средневековью и, очевидно, обществам других регионов и исторических периодов²⁰. Из единства суверенитета, распространяющегося на целостную территорию, следует во вполне современном духе символическая и материальная серьезность границ и необходимость их охраны/обороны, порой, не считающаяся с издержками. Похоже, что говоря об авторах приведенных карт и их вышестоящем начальстве, мы видим первых в регионе носителей подобного пространственного мышления, а история

превращения Ишимской линии в Новоишимскую, «подсвеченная» в необычном ракурсе найденными нами материалами, идеально иллюстрирует тезис Февра. К тому же, другие источники и авторы, приводимые нами ниже, подчеркивают радикальную новизну пограничных мероприятий 1740—1750-х гг., а главное, их непонимание населением по обе стороны новоустроенной границы, то есть незнакомство обществ региона середины XVIII в. с идеями, воплощаемыми военными геодезистами и заказчиками их карт.

¹¹ Таким образом, перед нами почти классический диффузионистский сюжет о распространении современных технологий, современного знания и современного *пространственного воображения*. Ян Кэмпбелл, со ссылкой на философа и специалиста по теории познания Э. Голдмана, в своей последней книге, посвященной российской колониальной политике XIX в. в Казахстане и ее местным посредникам, пишет о теоретическом интересе к ситуациям формирования и пересматривания убеждений людей, на основе имеющихся в их распоряжении знаний²¹ — в противовес рассуждениям о репрезентациях и категориях имперского правления. Мы могли бы солидаризоваться с этим «кратким теоретическим манифестом», с той только ремаркой, что обходя риторику Э. Саида уже как общепризнанную и самоочевидную, стоит обозначить рассматриваемый нами сюжет и как «до-саидовский» (ресурсы европейского колониализма в опоре на новые технологии, например, на картографию и геодезическую съемку), и как «пост-саидовский» (обеспечение колониального доминирования через новые особые виды мышления, в данном случае имеется в виду и «февровское» восприятие государств и их границ как территориальных феноменов, и картографическое представление географического пространства как способ управления им, проектирования бюрократического воздействия на это пространство, вплоть до тотальных форм регламентации перемещения по нему).

¹² Историографический контекст собственно сюжета о проектировании и создании двух линий достаточно обширен, несмотря на его относительную скоротечность (в 1738-м г. формально «создается» Ишимская укрепленная линия, в 1755-м г. закончено строительство Новой Ишимской линии). Первые архивные материалы извлек, собрал и опубликовал в 1860-х гг. ученый и сибирский областник Г. Н. Потанин, а некоторые общеизвестные сведения систематизировал чуть ранее в своей «Истории Сибири» П. А. Словцов. Далее до середины XX в. информацию, касающуюся истории двух линий, можно было найти в текстах по сибирской истории вообще и других обзорных работах, а также в частных и локальных (часто краеведческого характера) исследованиях²², пока в конце 1930-х гг. в Омск не попал ссыльный украинский историк Н. В. Горбань²³. В 1953-м г. он публикует в очередном томе «Вопросов географии», посвященном исторической географии, оставшуюся малоизвестной статью «Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Ново-Ишимская линия крепостей»²⁴. Опираясь на материалы Потанина, источники которых он, в том числе, вторично открыл в Государственном архиве Омской области, а также на неопубликованные документы, поднятые самостоятельно, Горбань пишет один из самых методически насыщенных текстов по истории двух пограничных линий, не теряющий своего значения до сих пор. В 1970—2000-х гг. по интересующему нас предмету выходит одна краеведческая статья²⁵ и четыре исторические диссертации²⁶. В те же

десятилетия формируется интерес археологов (в первую очередь, омских) к укреплениям двух линий как объектам поиска и изучения²⁷. Закономерен интерес к этой теме и со стороны современных историков Северного Казахстана²⁸: дополнительной актуальности вопросу придает его современная политизация — дискуссии о колониальном, а потому несправедливом характере формирования северных границ Казахстана в XVIII в. и тому подобное. Из новейших работ, непосредственно касающихся истории Ишимской и Новоишимской линий, в первую очередь, стоит отметить целый комплекс материалов, изданных в Тобольске. Во входящей в его состав монографии, архивные сведения Потанина и Горбаня подтверждаются, дублируются и углубляются на основе материалов Сенатского архива²⁹.

¹³ Из всего историографического наследия наименее оцененными по достоинству нам представляются Материалы Потанина и статья Н. В. Горбаня. Глубина подборки опубликованных Потаниным документов до конца не оценена до сих пор: дело в том, что это не просто тематическое или хронологическое собрание архивных документов, а авторская подборка выписок из документов, теоретические акценты которой хорошо видны при знакомстве с материалами. Часть «скрытых» тезисов Потанина высказал и интерпретировал Н. В. Горбань, добавив свои соображения, тоже имеющие значительную методологическую глубину, но, стоит повториться — работа Горбаня осталась малоизвестной, а материалы Потанина, несмотря на недавнюю републикацию, почти не используются.

¹⁴ В итоге, наша статья помогает частично воссоединить связанные с историей линий текстовые документы Сенатского, Омских и других архивов с картографическими материалами, для которых они задают необходимый объяснительный контекст, и наоборот — публикуемые нами карты восполняют информацию текстовых источников. Кроме того, нам кажется важным как восстановить забытые части истории и историографии вопроса, так и вновь поднять некоторые теоретические проблемы, рассмотрев Новоишимскую линию не просто как частный вопрос региональных штудий, но как часть общей истории, завязанную на вопросы колониальной экспансии империй Нового времени и инструменты этой экспансии.

¹⁵

Результаты

В свете предложенных положений о культурной и ментальной новизне производимого разграничения сибирских уездов и улусов Среднего жуза — мы получаем ряд положений обобщающего характера. Часть из них скорее делают новые акценты на ранее известных фактах, часть — способствуют более глубокому восприятию ситуации в свете новых источников и пространственно акцентированной теории. 1. Строительство Новой линии — инициатива военных и гражданских чиновников провинциального уровня. Учитывая приведенный историографический контекст, на наш взгляд, теперь намного проще реконструировать логику принятия цепочки решений, которые и привели к превращению Ишимской линии в Новоишимскую со сдвигом последней к югу, в

район современной российско-казахстанской границы. Во-первых, стоит разделять мотивы и решения принятые высшей имперской администрацией, и мотивы и решения администрации условно «средней» — провинциально-губернского уровня, людей вроде И. Неплюева и тобольского губернатора Сухарева, командира Сибирского корпуса Х. Т. фон Киндермана³⁰ или его преемника Иосифа Крафта. Озабоченность вопросами контроля территории и конкретно приграничной полосы, неудовлетворенность состоянием Ишимской линии (которая и не была изначально линией, то есть единой пограничной системой³¹ — речь шла просто о ряде укреплений, перекрывающих традиционные дороги вдоль рек из северной лесостепи в Среднее Прииртышье), желание использовать имеющиеся ресурсы так, чтобы свести к минимуму неконтролируемое поведение местного населения — все это, естественно, было предметом интереса второй группы. Именно ее представителей возмущала любая неупорядоченная активность на границе — от набегов до поездок российских подданных в степь³², именно они не имели никакой выгоды от этой активности, именно военные обладали специальными геодезическими, картографическими, инженерными и бюрократическими познаниями, позволявшими проектировать и воплощать в реальность такие сооружения как пограничные линии. Что касается высшей администрации Российской империи, то, как минимум, у нас нет отчетливых доказательств того, что ближайшее окружение тогдашней императрицы Елизаветы, сенаторы или руководство коллегий и Сибирского приказа без соответствующих писем с мест были озабочены подобными вопросами или вообще проявляли к ним интерес.

16 2. Слухи о «джунгарской угрозе» как событие, запустившее линейное строительство 1740-х гг. Единственный всплеск озабоченности двора состоянием сибирской границы в 1740—1750-х гг. пришелся на 1744-й г. и был связан с предположением о возможной недружественной вооруженной активности Джунгарского ханства, то есть об угрозе войны. Реакция последовала незамедлительно: в течение осени 1744-го г. на уровне имперского Сената и нижестоящих ведомств были приняты решения о переводе в Сибирь трех регулярных полков из только что учрежденной Оренбургской губернии и двух — из бассейна Дона. Кроме того, сформированные в Сибири регулярные части (три полка и один батальон) должны были выдвинуться из сибирских городов и слобод на верхнее течение Иртыша, где и ожидалось военные действия. Для командования всеми войсками был назначен генерал-майор фон Киндерман, который также в конце 1744-го г. выехал в Сибирь³³. Больше всего администрацию обеих уровней, видимо, заботила безопасность Колывано-Воскресенских заводов на Алтае. При этом, «джунгарские калмыки» в середине 1740-х гг. собирали подати, например, с «барабинских двоеданцев» на правом берегу Иртыша³⁴, что ставило под угрозу и границу на большом протяжении верхнего и среднего Иртыша. Наконец, учитывая регулярные сообщения сибирских источников середины XVII — начала XVIII вв. о «калмыцких улусах» на верхнем Ишиме и Тоболе³⁵, и некоторую инерцию или консервативность в восприятии окружающих территорий, можно предположить, что и территории между Иртышом, Ишимом и Тоболом могли восприниматься как находящиеся в опасности. И хотя фактическими владельцами кочевий от среднего Иртыша до верховий и среднего течения Ишима и Тобола в 1740-х гг. были казахи Среднего жуза, в движение

пришли и прилегающие к ним, весьма удаленные от Алтайских гор уезды Сибирской губернии.

¹⁷ 3. Ограниченность местных ресурсов и чрезвычайность осуществленных мер. Из материалов Потанина очень хорошо видно, почему до некоторого времени жалобы провинциальных командиров и бюрократов оставались безответными — мы считаем важным еще раз напомнить эти обстоятельства. Так, зимой 1745-го г. в Туринском и Тюменском уездах, а также в Краснослободском дистрикте разместилось три драгунских полка, в Екатеринбурге и Тюмени — два пехотных, в Ялуторовский уезд прибыла тысяча яицких казаков. Каждый полк стандартно должен был состоять из более чем тысячи человек, которые требовали постоя и пропитания, в случае с драгунами и казаками необходимо было кормить и размещать еще и коней. Все это не могло не вызвать некоторой дезорганизации местной жизни. В переписке между фон Киндерманом, Сибирской губернской канцелярией и полковником Яковом Павлуцким³⁶ поднимаются следующие темы: о возможности «что лошадей в степи имеющимися под снегом травами довольствоваться можно»³⁷, нехватке провианта в местах текущего или предполагаемого расположения регулярных частей³⁸, о необходимости переписать имеющийся хлеб и сено, оставив «обывателям, что им потребно для их пропитания и на семена и сена скоту», остальное опечатать и запретить к употреблению «под смертной казнию» (повторяется несколько раз), о запрете винокурения, о доставке провианта из Исетской провинции, Томска и Кузнецка³⁹ и тому подобное. Наконец, не обошлось без бесчинств солдат приведенных в Сибирь полков в местах их размещения⁴⁰. Неудивительно, что ранее российские власти воздерживались от введения в Сибирь дополнительных регулярных войск, а пожелания местных администраторов по «приведению в порядок» пограничных укреплений и сил хоть и не вызвали возражений, но и не получали ресурсного подкрепления.

¹⁸ 4. Даже случайно принятые на высшем уровне решения имеют серьезные последствия на местах. При этом, той же зимой 1745-го г. поступили новости о том, что угрозы нападения нет, а затем, в ноябре того же года — известия о смерти хунтайджи Джунгарии Галдан-Церена⁴¹, с которым все поступавшие слухи и связывали возможную угрозу⁴². Тем не менее, благодаря страхам, достигшим Петербурга, сибирская военная и гражданская администрация получила в свои руки достаточно ресурсов для приведения границы в вид, соответствующий ее представлениям о должном этой границы обустройстве. Х. фон Киндерман, видимо, тоже не предполагал, что его миссия краткосрочна и развернул достаточно бурную военно-административную деятельность.

¹⁹ Эта деятельность также частично отражена в материалах Потанина: главный командир Сибирского корпуса интересуется целым рядом вопросов, на которые ему опять же отвечают главным образом полковник Павлуцкий и Сибирская губернская канцелярия, но также и ряд других лиц — торговые сношения с Джунгарией, положение Барабинских двоedanцев, наличие российских подданных в плену у казахов и в Джунгарии, а также деятельность пленных в последней⁴³, обиды, чинимые казахскому населению, состояние крепостных строений, количество офицеров и служилых людей в них, и, среди, прочих — возможность спрямления Ишимской линии.

5. Новоишимская линия как позднее и косвенное следствие пограничной активности 1740-х гг. Как мы знаем из работ, посвященных Иртышской и Колывано-Кузнецкой пограничным линиям, работы по их созданию довольно быстро перешли от собирания информации и формирования проектов в практическую плоскость. Работы и размещение прибывших полков на верхнем Иртыше начались еще в 1745-м г. до прихода сведений о смерти Галдан-Церена; Колывано-Кузнецкая линия, обеспечивавшая безопасность Колывано-Воскресенских заводов, создавалась, начиная с 1747-го г. Вопросы же, связанные с Ишимской линией, еще довольно долго оставались в стадии обсуждения. Сентярем 1745-го г. датируется рапорт премьер-майора Сташкеева, в котором он в довольно размытых выражениях одобрительно высказывается о том, «можно ли провести ее [линию] прямее» через Камышловы озера, упоминая, что «можно и прямее назначить линию», но этому будет препятствовать безводность мест и наличие к югу от пройденного Сташкеевым маршрута казахских кочевий. В январе 1746 г. губернатор Неплюев пишет фон Киндерману письмо, где солидаризуется с данным вариантом спрямления линии и, ссылаясь на опыт Оренбургской линии, предлагает ограничиться крепостями, редутами между ними и разъездами, не создавая (видимо, по примеру линий в Европейской части империи) земляного вала. Далее фон Киндерман лично проезжает по данному маршруту (в июне 1746-го г.) и подает (15 августа того же года) в Сенат проект новой линии. Проект пролежал в Петербурге до 1752-го г., когда Сенат направил фон Киндерману указ о строительстве линии по новому маршруту, ссылаясь в тексте прямо на предшествующие проекты и выбор адресатом иного варианта⁴⁴. Тот же текст цитирует и мотивацию строительства Новой Ишимской линии, очевидно, описанную фон Киндерманом в проекте 1746-го г.: «к лучшему защищению сибирской стороны от набегов киргиз-кайсацких и для обуздания тех орд, кочующих к сибирской стороне, от их своевольностей, и чтоб оный народ содержан был в подданнической должности», как бы перекладывая на генерала ответственность за сам характер принятых решений, которые Сенат лишь утверждает. Как бы то ни было, в 1752-м г. строительство линии «от Омской крепости до урочища Зверина Голова» началось и было окончено к 1755-му г., когда и начала в полную силу функционировать новая линия границы между Тоболом и Иртышом, разделившая безусловно подконтрольную российской администрации территорию и казахские земли Среднего Жуза, находившегося в некоторой степени зависимости от той же администрации.

21 6. Сомнительная рациональность создания Новоишимской линии. В этом месте стоит, наконец, задать вопрос: зачем же российские имперские чиновники провинциального уровня направили столько сил и средств на разработку, проектирование и практический сдвиг линии границы на 50—140 км к югу в полосе между Тоболом и Иртышом, что вряд ли имело значительный стратегический эффект, точно никак не было связано с оказавшейся довольно эфемерной «джунгарской угрозой» и главным результатом своим имело прекращение нерегулируемых контактов населения с обеих сторон новой линии? Чтобы подойти к прямому ответу на данный вопрос, представляется необходимым более широко описать *пограничную ситуацию* в регионе до создания всех сибирских линий.

7. Переходные полосы вместо границ как стандартная пограничная ситуация на юге Сибири до середины XVIII в. До 1730-х гг. никакой четкой границы владений Московского царства, а потом Российской империи в Сибири не было⁴⁵. То есть, не было рубежей, государственных межевых знаков, территорий, вторжение на которые могло означать *casus belli* в современном смысле и тому подобное. Достаточно уверенно мы можем говорить лишь о постоянном и эпизодическом землепользовании. Для оседлого населения российского подданства границы постоянного землепользования могут быть определены довольно уверенно по ближайшей округе городов, слобод, деревень, юрт и тому подобному. Однако российское подданство распространялось и на многочисленные группы кочевого населения Сибири. Вне этой юрисдикции до 1730-х гг. находилось еще большее количество групп преимущественно кочевого населения, интересы которых затрагивали *территории, расположенные недалеко* от поселений южных сибирских уездов. Точнее сказать вряд ли возможно, так как, например, зимой при откочевке в более южные и малоснежные районы расстояние между группами разного подданства могло увеличиваться до многих сотен километров, летом — сокращаться до нескольких десятков, а при торговых контактах или взаимном грабеже — до нуля. Если упрощать пространственную картину, можно сказать о наличии переходной полосы шириной в сотни километров, отмеченной эпизодическим землепользованием, как российских подданных, так и людей, связанных с другими политиями (например, калмыков и казахов). Наличие такой, довольно легко проницаемой полосы означало как возможности, так и угрозы, причем для обеих сторон. С одной стороны, мы видим торговые караваны, приходящие в Тобольск на протяжении всего XVII в. или торговых людей Галдан-Церена на Ирбитской ярмарке в 1740-х гг., можем, очевидно, при должном внимании увидеть и мелкую торговлю на местах. С другой стороны, русские источники, например, полны свидетельств крупных и мелких набегов «кучумовых детей и внучат», калмыков, «зенгорских людей» и казахов на «русские и инородческие волости», деревни, слободы и — походов в степь, инициированных русской администрацией, как ответных, так и неспровоцированных. Такое положение вещей воспринималось, очевидно, как само собой разумеющееся обеими сторонами, так как мало кто из местного и приезжего населения мог себе представить саму возможность не точечного (например, в виде застав на дорогах), а сплошного, тотального контроля территории.

23 8. Невысокий уровень «напряженности» в пограничной полосе к моменту строительства Новой линии. Стоит отметить, что к 1740-м гг. уровень взаимного насилия в переходной пограничной полосе между уездами юго-западной части Сибири и территориями, освоенными казахами Среднего жуза, был не очень велик. Перечисляемые в материалах Потанина пленные⁴⁶ и убитые, исчисляются единицами, а в редких случаях — десятками⁴⁷. Если пограничные инциденты сравнить с внутренней «криминальной хроникой» двух обществ, представляется, что разительные контрасты вряд ли будут обнаружены. Вряд ли к этому времени была велика и прослойка людей, на постоянной основе втянутых в это взаимное насилие. Как мы видели выше, ресурсы сибирских уездов были не столь существенны, чтобы содержать значительные военные силы — даже регулярные войска были обычно расквартированы в городах или их ближайшей округе, далеко

от пограничной переходной полосы, прослойка служилых людей также больше ориентировалась на вопросы местной обороны. Внимание казахских кочевых сообществ и тех его членов, что жили преимущественно военным делом, в этот период было отвлечено столкновениями с войсками джунгарского хунтайджи.

24 9. Старая Ишимская линия как компромиссное и неудовлетворительное с точки зрения военных явление. Состояние и характер Ишимской линии — лучшее подтверждение концепции «переходной полосы». Большая часть укреплений этой линии представляла собой слободы, созданные еще в XVII в. — то есть сравнительно большие сельские поселения с деревянной крепостью, охраняемой служилыми людьми из местного населения. В некоторых случаях, для контроля популярных путей сообщения, на них ставилась только крепость (или острог), а крестьяне рядом не селились или селились в небольших количествах. Военные европейской выучки попытались в конце 1730-х гг. эту сеть укреплений местного значения превратить в пограничную линию путем создания форпостов между слободами и организацией разъездов, но все эти мероприятия остались малоэффективными. И в виду нехватки ресурсов, в первую очередь, людей, которые должны были служить на линии, и в силу характера местности, с большим количеством лесов и болот. Хорошей иллюстрацией здесь служит карта капитана Новосёлова, обозначающая как на пространстве между Тоболом и Иртышом, так и в Исетской провинции, никогда не реализованные планы военной бюрократии по созданию дополнительных укреплений — при том же условном знаке вместо подписи названия у таких объектов стоит стереотипное «назначена крепость» или «назначен редут». Но особое раздражение военных вызывала конфигурация линии — вслед за слободами и интересами их основателей Ишимская линия выгибалась дугой, требовавшей еще больше сил и средств на ее охрану, откуда и происходит навязчивая риторика источников о необходимости ее спрямления. Высшие офицеры российских войск в Сибири пытались придать сети слободской и городской защиты в Сибири систематический вид, а затем «спрямив» неэффективную линию, добиться максимально возможного контроля в пограничной полосе. К ним примыкали чиновники формально гражданские — сибирский губернатор Алексей Сухарев и начальник Оренбургской экспедиции, а потом Оренбургский губернатор Иван Неплюев. Оба были выходцами из армии, Неплюев на своем посту постоянно координировал военную деятельность против башкирского населения и первым начал использовать старую технологию *limes* в новом технологическом исполнении для его ограничения и контроля. Именно Неплюев выступает главным инициатором в первой половине 1740-х гг. переноса собственного опыта в Сибирь. Затем эта роль переходит к фон Киндерману.

25 10. Непонимание смысла пограничного строительства местным населением по обе стороны границ. Все остальные жители описываемых территорий, кроме офицеров и представителей высшей провинциальной бюрократии, кажется, остались в некотором недоумении от первого знакомства с линией. Николай Горбань пишет о попытках казахского населения попасть на старые кочевья и просьбах к администрации линии о пропуске⁴⁸, а также о случаях проникновения «русского населения» за линию, с которыми военные также боролись⁴⁹. Он же сообщает о побегах с линии выписных казаков в период ее строительства, в материалах Потанина упоминается о более поздних побегах

сибирского служилого населения⁵⁰, видевшего в службе, очевидно, не способ защиты своих интересов, а лишь дополнительную повинность. Наконец, Н. В. Горбань обращает внимание на неудачность проекта Киндермана, по которому крепости или форпосты оказались у соленых озер, далеко от источников пресной воды, отчего в последующем ряд укреплений пришлось переносить, а служба на линии слыла тяжелой⁵¹. Как мы видим из карты Василия Кутузова, информация о неудобном в этом отношении характере местности была сообщена Киндерману еще на раннем этапе сбора информации, но он предпочел ее проигнорировать, сосредоточившись на картографической по духу идее «спрямления».

26 11. Пограничное строительство в Сибири как практика, характерная для раннего колониального модерна. В итоге, мы склонны рассматривать сюжет о строительстве Новоишимской линии как типичный пример раннемодерного европейского колониализма не в силу неких предубеждений или эмоций, а в силу попадания слишком большого числа сообщаемых источниками обстоятельств соответствующие «клеточки таблицы». Отметим, что обстановка выглядит «колониально» в отношении населения по обе стороны границы: приезжие администраторы⁵², состоявшие на службе империи и получившие доступ к современным технологиям и практикам, использовали их для проведения собственной «ведомственной логики», не согласуя мероприятий ни с интересами казахского, ни татарского, башкирского, угорского или славяноязычного населения. Первые, похоже, в их глазах выглядят как постоянные возмутители спокойствия, последние — как ресурс для реализации собственных планов. Между теми и другими, с опорой на картографию и картографическое мышление, регулярные полки и бюрократию, создается первая в регионе *тотальная граница*, позволяющая на протяжении примерно полутысячи километров почти полностью исключить несанкционированное государством движение местных жителей в обе стороны.

27

Заключение

Итак, предлагаемые вниманию читателей карты капитана Новосёлова 1743-го г. и подполковника Василия Кутузова 1745-го г. — важные и небезытересные источники по истории Сибири и Казахстана вместе с накопленными ранее документами отражают специфический процесс проектирования и строительства пограничных линий. Пограничные линии принесли в жизнь населения старых сибирских уездов и казахов Среднего жуза необычный ранее уровень регламентации повседневной жизни, новые пространственные практики и явления — такие как тотальные способы разграничения территории, изолирование социальных и политических пространств, абстрактно-картографическую логику принятия решений, важных для большого числа людей. Главными выгодоприобретателями линейного строительства были чиновники военной и гражданской имперской администрации в Сибири, в то время как остальные группы населения по обе стороны новых границ остались, скорее, в состоянии недоумения и недовольства.

Примечания:

* Работа одного из авторов статьи, начиная с весны 2022-го года, была бы невозможна без всесторонней поддержки Алимы Бисеновой и Светланы Басиевны Кожировой. Благодаря любезной помощи сотрудников Российского государственного архива древних актов нам удалось найти оригинал «карты капитана Новосёлова», первоначально попавшейся в виде фотокопии фрагмента.

1. Оформленные в 1738 г. административно в виде единой линии укрепления слобод Царёво Городище (сейчас город Курган), Коркина (город Ишим) и Усламинская (село Усть-Ламенка), крепости Омутная (село Омутинское), Чернолуцкая (село Чернолучье) и Большерецкая (пгт Большеречье) и ряд специально построенных в 1730-х гг. форпостов, находящихся на территории современных Курганской, Тюменской и Омской областей РФ.

2. Новоишимская (Пресногорьковская, Горькая) пограничная линия — цепь фортификационно-пограничных сооружений, построенных в 1752—1755 гг. на территориях современных Республики Казахстан и РФ, сменившая с точки зрения военной администрации Сибирской губернии середины XVIII в. Ишимскую линию — историография обеих линий и вопросы, связанные со строительством последней — предмет третьей части настоящей статьи.

3. Первая публикация и краткая характеристика двух карт см.: Рассказов С. В. «Степь кочующих Киргиз-Кайсаков»: Казахская степь на российских картах XVIII — начала XIX века и раннемоделная картография как источник для изучения географических представлений о Центральной и Северной Азии // *Qazaq Historical Review*. 2023. № 1 (1). С. 122—139.

4. Картографический отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (имеется в виду МИД Российской империи, основной архив которого находился в Петербурге).

5. РГАДА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 111: Карта местности к югу от города Тобольска. [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 07.06.2024).

6. Исетская провинция (административно-территориальное образование 1737—1781 на стыке границ Сибири и Зауральской Башкирии в составе Сибирской, а затем Оренбургской губерний) лежала юго-западнее средней части Тоболо-Иртышского междуречья, где проходила Ишимская линия.

7. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты, раздел I, Тобольская губерния, Д. 1.: Ландкарта. Описание мест Исетской провинции... [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 31.05.2024).

8. В названии карты по описи имеется ошибка, связанная с неверным чтением — форпост носил название Утяцкий. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1, Карты, раздел I, Тобольская губерния, Д. 2.: Карта Сибирской губернии от старого Утяцкого форпоста до реки Иртыша и до Чернолуцкой слободы... [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 31.05.2024).

9. Материалы для истории Сибири / собрал Г. Н. Потанин. М., 1867. Современное переиздание материалов в: *Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII века* (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 31.05.2024).

10. Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Ново-Ишимская линия крепостей // *Вопросы географии*. Сб. 31. М., 1953. С. 206—227. Горбань Н. В. Обзор фонда Сибирского генерал-губернатора. Омск, 1959.

11. РГАДА 192.1. Тобольская губерния. 1.

12. Использование подобного термина иногда встречает негативную реакцию в Казахстане — как свидетельство отрицания реальности казахской государственности в тот или иной период. Отметим, что в нашем случае «Казахская степь» — географический безоценочный термин, задача которого в том, чтобы скорее избежать дискуссий и сложных терминологических построений для аналитического описания государственности казахских племен в рассматриваемые десятилетия.

13. *Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII века* (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. С. 31, 135. [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 31.05.2024).

14. Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Ново-Ишимская линия крепостей // *Вопросы географии*. Сб. 31. М., 1953. С. 211. Также упоминаются в диссертации С. Р. Муратовой и монографии В. Б. Бородаева и А. В. Контева, о которых подробнее говорится ниже.

15. РГАДА 192.1. Тобольская губерния. 2

16. *Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII века* (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. С. 135. [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 31.05.2024).

17. Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Ново-Ишимская линия крепостей // *Вопросы географии*. Сб. 31. М., 1953. С. 211.

18. Камышловские озера или «Камышловский лог» — долина ныне не существующей реки, трансформировавшейся в цепочку небольших водотоков, соленых и пресных озер в Омской области РФ и Северо-Казахстанской области Республики Казахстан.
19. Л. Февр — не единственный автор, высказывавшийся на данную тему, но, похоже один из первых.
20. Febvre L. A New Kind of History. L.: Routledge and Kegan Paul, 1973. P. 208—218.
21. Кэмпбелл Я. Знание и окраины империи: казахские посредники и российское управление в степи, 1731—1917. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика, 2022. С. 13.
22. Полный обзор литературы до 1950-х гг. в: Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Ново-Ишимская линия крепостей // Вопросы географии. Сб. 31. М, 1953. С. 206—227.
23. Горбань Николай Васильевич (1899—1973), уроженец Полтавской губернии, выпускник историко-филологического факультета Харьковского университета; до 1932 г. занимался вопросами украинской истории и украинско-турецких отношений, член археографической комиссии архивного управления УССР; попал под волну репрессий начала 1930-х гг.: в 1932—1934 в ссылке в Алматы, в 1934—1937 — в Тобольске, затем, очевидно, не имея разрешения жить в крупных городах европейской части СССР, обосновывается в Омске, в 1960—1973 гг. жил и преподавал в Ташкенте.
24. Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Ново-Ишимская линия крепостей // Вопросы географии. Сб. 31. М, 1953.
25. Бенюх М. И. Горькая линия (Памятник военно-инженерного искусства XVIII в.) // Из истории Западной Сибири. Вып. 79. Омск, 1974. С. 79-108.
26. Огурцов А. Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990; Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье, конец XVI — начало XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1999. Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: кон. XVI — нач. XVIII в.: Автореферат дисс. ... докт. истор. наук. М., 2010; Муратова С. Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века: дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007.
27. Матвеев А. В. Редуты Ново-Ишимской (Горькой) линии XVIII в. на территории Исилькульского района Омской области // Словцовские чтения — 99: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 1999. С. 215—218. Поиск форпостов Ишимской линии XVIII века // Археологические Открытия 2001 г. М., 2002. С. 444—446.
28. Нурбаев К. Ж. О некоторых особенностях казахско-русских отношений: усиление политического влияния России в Среднем жузе в конце XVIII — первой четверти XIX вв. // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 1. С. 264—268; Каженова Г. Т. Степной край Казахстана в геополитической стратегии Российской Империи // Проблемы Востоковедения. 2012. № 2 (56).
29. Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII — начала XX века: [Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII — начала XIX века / В. Б. Бородаев, А. В. Контев; Омская крепость и город Омск на планах XVIII — начала XX века / А. Ф. Палашенков, А. В. Матвеев, А. М. Лосунов, А. П. Сорокин, Л. И. Огородникова]: [Прил. к календарю «2016—2017. Омское Прииртышье на картах и чертежах XVI — начала XIX века»] / гл. ред. Ю. П. Перминов; науч. ред. В. Э. Булатов; оформление И. Е. Лукьянов. Тобольск: Общ. благотв. фонд «Возрождение Тобольска», 2015.
30. Христиан Теофил фон Киндерман (?—1752), российский военный, происходящий, вероятно, из прибалтийских немцев. В 1745—1752 гг. на высших административных военных постах в Сибири, управляющий строительством Иртышской и Колывано-Кузнецкой пограничных линий, один из авторов проекта и инициатор строительства Новоишимской линии.
31. Каменецкий И. П. Командующие войсками Сибирских укрепленных линий и их роль в обороне и освоении Южной Сибири // Военно-исторический журнал. 2017. № 10. С. 82.
32. «О получении ордера, которым приказано смотреть, дабы никто отсюда отнюдь, под смертною казнию, не дерзал, для добычи или воровства, за форпосты в кочующие близ границ российских киргиз-кайсаков, тако ж и Галдан-Чирина, улусы прокрасться или под каким видом пройтись»... Из рапорта Павлуцкого Киндерману, март 1745 года: Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII века (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. С. 63. [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 31.05.2024).
33. Контев А. В. Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х гг. // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2016. № 4. С. 53.
34. Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири XVII — 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. С. 122—125.
35. «Зенгорское владение Калмыцкого Хана Контайшинского поколения, с Сибирью по реке Иртышу и Ишиму с полуденной стороны пограничной...»: РГАДА Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543: «Летопись Сибирская (1681—1760), собрана в Тобольске ямщиком Иваном Леонтьевым, сыном Черепановым, 1760 г.». Том II. Л. 303. «И вниз по Тоболу до речки Утяку с чюдским народом, и с Утяку прямая линия чрез реку Ишим на Нижной бурлук и вверх по Бурлуку чрез Лебежье озеро, и чрез вершины реки Оши на Камышловку-реку, и вниз по Камышловке в межах с Туралинскою,

Саргацкою и с Ялынской землями, и оттуда чрез реку Иртыш степью на вершины реки Сартлана в межах с барабинскими татарами» — описание «калмыцких межей» С. Ремезовым см.: Гольденберг Л. А. Статья С. У. Ремезова «О калмыках, как весьма известном в Сибири народе» // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М.: Наука, 1976.

36. Павлуцкий Я. С. — сибирский военный, младший сотрудник И. Неплюева и фон Киндермана, капитан Сибирского драгунского гарнизонного полка с 1715-го г., с 1738-го — командир Сибирского полка, участник военных акций против башкирского и казахского населения, с 1763-го — генерал-майор в отставке. Более известен его двоюродный брат капитан, затем майор Дмитрий Павлуцкий — неистовый завоеватель Чукотки, убитый в бою с чукчами в 1747-м г. и вошедший даже в чукотский фольклор в качестве отрицательного героя. Предок обоих Павлуцких — выходец из Речи Посполитой, в XVII в. попавший в Тобольск.

37. «И на то покорно доношу, что снег здесь, по объявлению знающих, ежели коей весны климат не отменится, то в половине апреля сходит, и ныне снегов здесь не довольно и неглубоки, токмо ныне подкрепило случившимися морозами марта 16 и 26 чисел; однако ежели климат теплый будет, то апреля в последней половине лошадям в поле ходить и кормом в день довольствоваться можно будет»... Пространство Северного Казахстана и Сибири. в исторической ретроспективе XVIII века (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. С. 29. [Электронный ресурс]. URL: >>>> (дата обращения: 31.05.2024).

38. «...представлено прошение города Тары и подгородных погостов и от слободских старост ... о том, что «ежели драгуны будут расставлены в этих местах по квартирам на пропитание, то все жители придут в крайнее разорение и нищету, для того что, де, у многих пашенных земель и сенных покосов не имеется, к тому же, де, в Таре и Гарском подгородном уезде хлеба и травы имеется недород уже на третий год; ... и непахотным, де, жителям за оным уже ныне и есть нечего, и многие, де, таковые, за неимением в торгу провианта, едва питаются мирским подаением, и за недостатком, де, многие ж жители рогатый чистый скот уже бьют». Там же. С. 43.

39. Там же. С. 43—44.

40. «Сомневаясь найти что-либо выгодное для памяти Сухарева, вступившего в должность... 1-е, что в губернаторство Сухарева тобольские жители оставались без всякой защиты от ежедневных бесчинств и наглостей, деланных нижними чинами Ширванского полка, в 1746 г. квартировавшего в Тобольске; 2-е, что даже от тобольского полицмейстера Бабановского дважды приносилась жалоба Сенату на губернатора Сухарева, которому и насылались из Сената выговоры». Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. С. 298. «И в то ж время было у того пекета и у караула того Ширванского пехотного полку солдат знатно подозрительно сборище — человек до пятидесяти и больше, из которых солдат многие были мертво пьяные. И оные солдаты напали на капитана и полицмейстера Марка Бабановского нагло, яко разбойники, и били смертельно ... вытаща меня из коляски злодейски и бросаю об землю, били смертельным боем, без всякия милости, яко тирански, поленьем и шпажными ефесами, в котором бою имеющей на мне кафтан зеленого сукна вдоль по спине разодрали и фалду прочь оторвали и изодрали ж, и в грязи вымарали во многих местах...». Кузнецов Е. В. Из Тобольской старины: Нападение на полицмейстера Бабановского / Извлеч. из № 30—32 «Тобольских губ. Ведомостей» 1891 г.

41. Галдан-Церен (?—1745) — правитель (хунтайджи) Джунгарского (также — Ойратского) ханства с 1727 года. В 1730-х гг. воевал с Китаем, в 1740, 1741—1742, 1743 гг. его войска вторгались в Казахстан.

42. «...и на то объявил, что их владелец, Галдан-Чирин, в минувшем сентябре умре, а по кончине его все оное Зенгорское владение содержит сын его, Цебен-Доджи, коему, де, от роду 13 лет; и желает, де, тот их новый владелец пребыть к России в склонности и ненарушимой тишине, чего, де, ради он, Курень, с тем объявлением в Россию и отправлен, с листом до превосходительных г[оспо]д генералитетов...». Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII века (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. С. 80. [Электронный ресурс]. URL: >>>> (дата обращения: 31.05.2024).

43. «Видели мы в зенгорской Урге российского мастерового Ивана Михайлова и слышали, что он медный завод строит, и на оном, де, заводе имеет 2 человек товарищей себе». Там же. С. 73.

44. «Так как хотя и были посланы для съемки мест под линию капитан Новосёлов, подпоручик Кутузов и майор Сташкеев, но Вы, генерал-майор Киндерман, нашли ее кривою и после своего проезда сами назначили линию...». Там же. С. 135.

45. Это подтверждается, например, следующим редко обсуждаемым обстоятельством: линия северного побережья Сибири, до которого, как это обычно предполагается, доходила русская юрисдикция как минимум с 1640-х гг., была полностью пройдена, стала известна и нанесена относительно строго на карту лишь по итогам Великой Северной экспедиции 1720—1740-х гг.

46. Ряд случаев напоминает патриархальное рабство, а не «военный плен»: «С показанием выбежавшей из плена из киргизской степи девки Татьяны, которая назад тому 20 лет была взята в плен с пашни из Вагайской слободы киргизами Барак-султана, причем бывшие с нею мужчины были побиты, а ребята и девки увезены. Татьяна досталась киргизу Ажаланаю, который выдал ее замуж за сына своего; с ним она прижила троих детей. Но другая его жена, Боба, детей этих убила до смерти и «была до нее, Татьяны, лиха»... Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII века (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. С. 120. [Электронный ресурс]. URL: >>>> (дата обращения: 31.05.2024); «Аблай-салтан прислал к Павлуцкому письмо, в котором он просит о возвращении пленных. Что же оный салтан просит прилежно, особливо о родственниках старшины Алимбет-батыря, чтоб оных пленников отыскать и к ним прислать, а именно: бабу Аим, дочь ее Сулучу да жену его, всего 4 человека; а по справке оные пленные в раздаче здесь значатся: женка Хурумза у

превосходительного генерал-майора и губернатора Сухарева, жена Аим и дочь ее девка у полковника Вендейга, жена Сулуча у секретаря Карташёва, и оные, уповательно, уже крещены». Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII века (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. С. 106. [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 31.05.2024).

47. «1. Служит Ее Императорскому Величеству с прошлого 1715 года, а определен из дворян в капитаны в Сибирский гарнизонный драгунский полк, в котором и поныне служит, и бывал во многих партиях и на боях против неприятелей, тогда оказуемых киргиз-кайсаков и воров башкирцев, а особливо в 1720 году, с бывшим полковником Парфентьевым ходили в партию на киргиз-кайсацкие улусы, и во оных тех кайсаков побили и в полон взяли немалое число, причем и лучшего их Пахан-Шамаменя Мурзы улусы разбили, и сына его, Сам-Мурзу, в полон взяли. И от того полку с порученными ему командами и в других многих командированиях со оною 1715 года бывал. 2. В прошлом 1728 году, в июне месяце, был в летней партии за неприятели киргиз-кайсаками, а в 1739 году в марте и апреле был в зимнем походе с полковником Арсеньевым на киргизские кочевные улусы. И в обеих тех партиях побили и в полон взяли оных кайсаков немалое число». Ведомость Сибирского гарнизонного драгунского полка о полковнике Якове Павлуцком, коя сочинена сего 1748 года, декабря 25 дня... Пространство Северного Казахстана и Сибири. в исторической ретроспективе XVIII века (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. С. 109. [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 31.05.2024). Итого почти за 25 лет службы полковник Павлуцкий может вспомнить только три крупных военных набега на казахские улусы с российской стороны. Представляется, что положение с крупными казахскими набегами на сибирские уезды было зеркальным.

48. «Зимой 1753 г. Около новой линии кочевало много казахов, которые перегоняли свой скот внутрь линии и под самые слободы Сибирской губернии, но посланные команды выгоняли казахов. Даже проявлявшим свою преданность правительству казахским старшинам не удавалось добиться разрешения на пропуск внутрь линии. Так Кулсара-батырь зимой 1759 г. неоднократно просил пропустить его собственные небольшие табуны не далее трех верст внутрь линии около Плоского редута, но главный командир Сибирского корпуса предписал коменданту крепости Св. Петра полковнику Лестоку “с ласкательством отговариватца”, с тем, что “между такими отговорками и зима миноватца может”». Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Ново-Ишимская линия крепостей // Вопросы географии. Сб. 31. М., 1953. С. 219. Горбань ссылается на Омоблгосархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 170—174; Омоблгосархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40. Л. 157.

49. «Самовольное поселение на линии крепостей и проезд за линию воспрещались. Так 9 июня 1753 г. Крафт приказал шести крестьянам Ишимского дистрикта за то, что они тайно проехали за Ишим реку и за построенные форпосты и самовольно запахали казенную землю и посеяли хлеб, “учинить жестокое наказание: годных в службу бить нещадно плетями, а негодных кнутом и тот посеянный ими хлеб егда поспеет, приказать форпостной команде снять и перемолотя взять в казну”». Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Ново-Ишимская линия крепостей // Вопросы географии. Сб. 31. М., 1953. С. 223—224 со ссылкой на Омоблгосархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 223об. и Омоблгосархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 89. Л. 136. «23 декабря 1760 г. Сибирская губернская канцелярия ... за самовольный же переход границы “для тех промыслов и воровства” ... угрожала смертною казнию». — Там же со ссылкой на Омоблгосархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 94. Л. 111.

50. Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII века (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. С. 122—123. [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 31.05.2024).

51. «“На всем протяжении линии не хватало пресной воды”, и уже в начале работ по строительству ясно было, что проект Киндермана, утвержденный Сенатом, имеет много недостатков, из которых основным был тот, что линия проходит по местности, неудобной для поселения. ... Поэтому при строительстве выяснилось, что там, где по описи Киндермана, показаны озера, во многих местах были только болота, а “которые озера подле тех мест хотя и есть, токмо соленые и горькие”». Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Ново-Ишимская линия крепостей // Вопросы географии. Сб. 31. М., 1953. С. 215—216 со ссылкой на Омоблгосархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 139.

52. Фамилии начальников пограничного ведомства и войск (последовательно: фон Киндерман, Крафт, Фрауендорф, фон Веймарн, Шпрингер) создают дополнительное впечатление некоторого внешнего управления с опорой на специалистов, иностранных даже по отношению к ядру империи.

Библиография:

1. Бенюх М. И. Горькая линия (Памятник военно-инженерного искусства XVIII в.) // Из истории Западной Сибири. Вып. 79. Омск, 1974. С. 79—108.
2. Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири XVII — 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002.
3. Гольденберг Л. А. Статья С. У. Ремезова «О калмыках, как весьма известном в Сибири народе» // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М.: Наука, 1976.

4. Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Ново-Ишимская линия крепостей // Вопросы географии. Сб. 31. М., 1953. С. 206—227.
5. Горбань Н. В. Обзор фонда Сибирского генерал-губернатора. Омск, 1959.
6. Каменецкий И. П. Командующие войсками Сибирских укрепленных линий и их роль в обороне и освоении Южной Сибири // Военно-исторический журнал. 2017. № 10. С. 81—87.
7. Каженова Г. Т. Степной край Казахстана в геополитической стратегии Российской Империи // Проблемы Востоковедения. 2012. № 2 (56).
8. Контев А. В. Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х гг. // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2016. № 4. С. 53.
9. Кузнецов Е. В. Из Тобольской старины: Нападение на полицеймейстера Бабановского / Извлеч. из № 30—32 «Тобольских губ. Ведомостей» 1891 г.
10. Кэмпбелл Я. Знание и окраины империи: казахские посредники и российское управление в степи, 1731—1917. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика, 2022.
11. Материалы для истории Сибири / собрал Г. Н. Потанин. М., 1867.
12. Матвеев А. В. Редуты Ново-Ишимской (Горькой) линии XVIII в. на территории Исилькульского района Омской области // Словцовские чтения — 99: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 1999. С. 215—218.
13. Муратова С. Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века: дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007.
14. Нурбаев К. Ж. О некоторых особенностях казахско-русских отношений: усиление политического влияния России в Среднем Жүзе в конце XVIII — первой четверти XIX вв. // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 1. С. 264—268.
15. Огурцов А. Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990.
16. Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII — начала XX века: [Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII — начала XIX века / В. Б. Бородаев, А. В. Контев; Омская крепость и город Омск на планах XVIII — начала XX века / А. Ф. Палашенков, А. В. Матвеев, А. М. Лосунов, А. П. Сорокин, Л. И. Огородникова]: [Прил. к календарю «2016-2017. Омское Прииртышье на картах и чертежах XVI — начала XIX века»] / гл. ред. Ю. П. Перминов; науч. ред. В. Э. Булатов; оформление И. Е. Лукьянов. Тобольск: Общ. благотв. фонд «Возрождение Тобольска», 2015.

17. Поиск форпостов Ишимской линии XVIII века // Археологические Открытия 2001 г. М., 2002. С. 444—446.
18. Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII века (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013.
19. Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье, конец XVI — начало XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1999.
20. Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: кон. XVI — нач. XVIII в.: Автореферат дисс. ... докт. истор. наук. М., 2010.
21. Рассказов С. В. «Степь кочующих Киргиз-Кайсаков»: Казахская степь на российских картах XVIII — начала XIX века и раннеמודерная картография как источник для изучения географических представлений о Центральной и Северной Азии. // Qazaq Historical Review. 2023. № 1 (1). С. 122—139.
22. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006.
23. Febvre L. A New Kind of History. L.: Routledge and Kegan Paul, 1973.

The 18th Century Siberian Border Lines in the Context of New Cartographic Sources and the History of Modern Spatial Perception Diffusion

Sergei Rasskasov

Independent Researcher

Kazakhstan, Astana

Kairat Abdrakhmanov

International Science Complex “Astana”

Kazakhstan, Astana

Abstract

The paper is concerned on interpretation of two little-known eighteenth century Russian maps relating to the history of imagination and administration of a frontier space between Imperial controlled Siberian territories and Kazakh nomads lands. This wide limitrophe zone was delimited in decades of 1730—1750s, by the Old Ishim and the New Ishim lines in a case closely examined in this text. These two border lines attracted our attention as the first example of efforts to total control of geographical space through modern practices in the region. In addition authors offer brief historiographic review and some theoretical theses. These theses can serve to rethink approaches to the history of borders and the border administration of the Russian Empire, which is usually considered within the framework of two simplified oppositions “ordered state practices — dangerous and unpredictable border communities” or “noble indigenous peoples — malevolent forces of colonialism”, as well as highlight a number of plots in the history of Siberia and Kazakhstan in a more compliant way.

Keywords: Dzungar Khanate, Kazakh Khanate, Kazakh lands, Middle Horde (Orta жүз), Modern and colonial practices in Asia, Russian Empire in 18th century, Russian border lines in Siberia, Siberia

Publication date: 30.08.2024

Citation link:

Abdrakhmanov K., Rasskasov S. The 18th Century Siberian Border Lines in the Context of New Cartographic Sources and the History of Modern Spatial Perception Diffusion // ISTORIYA. – 2024. – V. 15. – Issue 7 (141).

URL: <https://history.jes.su/s207987840032029-0-1/>. DOI:

10.18254/S207987840032029-0